

Гриценко Е.П.

ТОЛСТЫЕ ЗА ПРАВО ДУХОВНОГО ВЫБОРА

Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»

Gritsenko E.P.

THE TOLSTOYS' STRUGGLE FOR THE RIGHT OF THE RELIGIOUS CHOICE THE CONFESSIONAL CHOICE OF TOLSTOYS FAMILY

The memorial of L. N. Tolstoy Yasnaya Polyana

Реферат. Важным направлением общественной деятельности Л.Н. Толстого и его семьи являлась защита людей, пострадавших за свои духовные убеждения. В 1870-е гг. Толстой в своем самарском имении помогал молоканам. В 1871 году С.А. Толстая встала на защиту иудейки Иды Файнерман. В 1890 гг. писатель спасал сектантов, отказавшихся служить в армии. В 1897—1898 гг. писатель отстаивал права самарских молокан, разлученных с детьми за их духовные взгляды. Общественная деятельность Толстого способствовала созданию экономических и политических условий для переселения духоборов. В 1899 году в деятельности по переселению духоборов в Канаду участвовал старший сын писателя. Духовные узы соединяют потомков духобор, покинувших Россию более ста лет назад, Ясную Поляну и семью писателя.

Abstract. The important direction of the Tolstoys' social activity was a defence of people who suffered for their religious beliefs. Leo Tolstoy helped Christian sect of Molocans in his Samara estate in 1870-es. S.A. Tolstaya protected Jewess Ida Fainermann in 1871. The writer saved some members of a sect, which refused to serve in the army in 1890-es. The members of the Christian sect of Molocans in Samara were separated from the children because of their religious beliefs and Leo Tolstoy struggled for their rights in 1897—1898. The writer's social activity helped to create economic and political conditions for resettlement of dukhobors. The writer's eldest son took part in the arrangement of dukhobors' resettlement to Canada in 1899. Spiritual ties connect descendants of dukhobors' who left Russia and the writer's family more than 100 years ago.

Ключевые слова: религиозная терпимость; общественная деятельность; Л.Н. Толстой и его семья; молокане; сектанты; духоборы; церковь; религиозные убеждения; власть; религиозно-философские работы Толстого; самобытность духоборческой культуры.

Key words: religious tolerance; social activity; L. Tolstoy and his family; Molocans; members of a sect; dukhobors; church; religious beliefs; power; Tolstoy's religious-philosophical works; originality of the dukhobors' culture.

Локальные, этнические и религиозные войны все больше становятся приметой нашего времени. Избавить человечество от промахов и ошибок, ведущих к новым несчастьям, и извлечь для себя уроки, должно помочь обращение к историческому прошлому, хранящему богатый опыт в решении проблем людей с различными духовными воззрениями.

Деятельность великого русского писателя Л.Н. Толстого и его семьи в налаживании диалога между представителями различных религий, поиск общих оснований, пониманий и терпимости может стать примером в реализации принципа толерантности, который останавливает мир от религиозных конфликтов, противостояний и кровопролитий.

Проявлением этой стороны жизни Толстых следует назвать, прежде всего их отношение к судьбам сектантов. Глубокое сочувствие к людям иных религиозных взглядов, интерес к их мировоззрению и обычаям проявились у писателя ещё в 1870-е годы, когда он, находясь в своём Самарском имении (Патровка), участвовал в борьбе с голодом, помогал молоканам. По утверждению историка А.С. Пругавина, «после самарского голода 1873—1874 гг., в период, когда Толстой так много сделал для самарского крестьянства, он стал пользоваться необыкновенной популярностью и доверием...» [3, с. 35].

Составляя группу русских христиан, молокане так же, как и множество других сект, расходились во взглядах с официальной церковью, в результате чего подвергались жестоким гонениям. «Духовные христиане», как они себя называли, являясь убежденными пацифистами, отказывались носить оружие и нести строевую службу в армии. Их концепция церкви сводилась к понятию о сообществе верующих, в котором все равны: они отвергали рукоположение, доктрину Троицы, оплачиваемое духовенство, осуждали иконы, не признавали таинства. «Идеи этой группы христиан отвечали во многом тем положениям, которые Толстой после своего так называемого религиозного обращения считал важнейшими», — отмечает современный исследователь духоборческого движения А.А. Донсков» [1, с. 8].

Духовная и светская власть в начале 1880-х годов была особенно обеспокоена характером его взаимоотношений с сектантами. В связи с чем по «совершенно секретному распоряжению» министра внутренних дел за ним был учреждён специальный полицейский надзор. В циркуляре самарского губернатора от 25 октября 1882 года, в частности, говорилось, что вследствие «вредной деятельности графа Льва Толстого обществу внуша-

ется ложное понятие о расколе и возбуждается в самих сектантах понятие о сочувствии их учению со стороны высших и образованных классов и самого Правительства» [4, с. 75].

Судьбы людей, преследуемых за их религиозные убеждения, не оставляли безучастной и С.А. Толстую, вставшую в 1887 году на защиту жены толстовца И.Б. Файнермана, автора ряда статей и книг о писателе. Знакомая Софьи Андреевны Ида Файнерман, практиковавшая частным образом в провинции акушеркой, приехала в Москву для получения медицинского диплома, который бы ей позволил и в дальнейшем осуществлять приём больных, имея на то уже квалификационное свидетельство. Однако в первый же день на квартиру, где она остановилась, явилась полиция, заявив ей, чтобы она в течение 24 часов немедленно выехала из города. В качестве обвинения Файнерман было предъявлено то, что в её документах есть отметка, касающаяся её вероисповедания, и поскольку она иудейка, то по закону она не имеет права проживать в таком городе, как Москва.

Желая помочь пострадавшей от властей, Толстая поехала к московскому полицмейстеру А.А. Власовскому, который, сказал ей, что всё совершается по закону. Кроме того, жену писателя предупредили, о том, что если она примет Иду Файнерман в своём доме, то полиция ту все равно выселит, а у неё самой будут неприятности. Угрозы не остановили Софью Андреевну, и, несмотря на возможные осложнения в своей жизни, она поселила иноверку у себя.

В 90-е годы XIX века писатель и его близкие вновь встали на защиту русских людей, не повинующихся ортодоксальной церкви и различным установлениям государственной власти, в том числе и службе в армии. Наглядным примером в этом отношении является, судьба Д.А. Хилкова, князя и гвардейского офицера, который отказался от своих имений и привилегий и в 1890 году за свои религиозные убеждения был сослан в Закавказье. «По высочайшему повелению» его дети были насильственно при содействии И. Кронштадского, против воли родителей, окрещены в православную веру и увезены их бабушкой (матерью князя) в Петербург, чтобы воспитать их как положено русским дворянам в исконной вере и сделать наследниками состояния.

Л.Н. Толстой активно включился в дело спасения отнятых детей. 5 ноября 1893 года он отправил утешительное письмо самому Хилкову, а затем написал его матери и просил её одуматься и вернуть детей. Не получив положительного ответа на свою просьбу, в январе 1894 года, он направил письмо по волновавшему его вопросу от своего имени императору Александру III и министру императорского двора И.И. Воронцову-Дашкову. В послании писателя, адресованном государю, в частности, говорилось: «...Всеякие гонения за веру, ... которые с особой жестокостью производят у нас в последнее время, не только

не достигают своей цели, но, напротив, роняют в глазах людей ту церковь, для поддержания которой совершаются нехристианские дела» [11, с. 9].

Остро отреагировал Толстой на трагическую судьбу крестьянина Е.Н. Дрожжина, который в 1891 году из-за своих религиозных взглядов отказался от службы в армии, и по приговору военного суда был направлен в дисциплинарный батальон. Невыносимые условия заключения, в которых Дрожжин содержался более трёх лет, привели его к гибели. Смерть безвинно осужденного потрясла Толстого. В дневнике 9 сентября 1894 года он записал: «Дрожжин умер, замученный правительством» [10, с. 3]. Впоследствии писателем была написана статья, посвященная этому событию, вышедшая в виде послесловия к книге Е.И. Попова «Жизнь и смерть Евдокима Николаевича Дрожжина». По цензурным соображениям к печатанию в России она была запрещена и появилась в Берлине в 1895 году.

Примером, характеризующим гуманистическую деятельность Толстого и его семьи, стало их участие в 1897—1898 годах в спасении детей, отнятых у самарских молокан. Поводом для совершения этих жестоких действий стало предписание правительства о том, что все русские люди обязаны воспитываться в православной вере. Целесообразность подобных мер подтверждал и проходивший в августе 1897 года в Казани миссионерский съезд, который постановил, что для борьбы с расколом и сектантством необходима высылка неверных в Сибирь, отобрание у них детей и конфискация имущества.

Сразу после обращения, 8 мая 1897 года, к Л.Н. Толстому пострадавших крестьян он начал действовать. 10 мая им были написаны письма к Николаю II и ряду высокопоставленных лиц, в числе которых были А.В. Олсуфьев (помощник командующего императорской главной квартирой), К.О. Хис (воспитатель Николая II), А.С. Танеев (главноуправляющий императорской канцелярией), а также А.А. Толстая (родственница писателя, фрейлина императорского двора). 19 сентября 1897 года писатель ещё раз обратился к Николаю II, прося принять меры к возвращению детей, однако ответа не получил. После безуспешного обращения к царю в сентябре 1897 года Лев Николаевич отправил письма в редакции газет «Гражданин» и «Русские ведомости». В октябре он послал заметку по волновавшему его вопросу редактору «С. Петербургских ведомостей» Э.Э. Ухтомскому, которую опубликовали в газете 15 октября.

Трагические события не могли оставить безучастной и старшую дочь писателя, являвшуюся всегда единомышленницей отца. В сентябре 1897 года Т.Л. Толстая находилась в Петербурге в связи с подготовкой художественных изданий «Посредника». Получив телеграмму от отца, в которой сообщалось о несчастье, произошедшем с крестьянами-сектантами Бузулукского уезда, она отложила свой отъезд из Петербурга и добилась

встречи с обер-прокурором Синода Победоносцевым. Татьяна Львовна рассказала ему подробности дела и передала прошение, составленное Толстым от сектанта Самошкина, у которого был отнят пятилетний сын. Вопрос решился положительно, и в начале марта 1898 года все дети сектантов были возвращены в семьи.

Не могло оставить писателя равнодушным и положение русских духоборов на Кавказе. Исторические события 28—29 июня 1895 года, когда они торжественно сожгли своё оружие в знак отказа от военной службы — стали началом их преследований и ссылок. Около двухсот «зачинщиков» были посажены в тюрьмы, семьи их расселены по глухим татарским, армянским деревням, где, лишённые земли люди, бедствовали; отказавшиеся от военной службы попадали в дисциплинарный батальон.

Ответом писателя на эти события стало создание послесловия к статье П.И. Бирюкова «Гонение на христиан в России в 1895 году», которую Толстой озаглавил «Карфаген должен быть разрушен». Эту публикацию, написанную в форме открытого письма в иностранные газеты, из-за цензурных обстоятельств удалось опубликовать лишь в 1896 году в Женевском издании М.К. Элпидина. В ней Лев Николаевич призывал своих соотечественников следовать учению Христа, и тогда, по его мнению, не будет тех страшных гонений, которые совершаются над истинно верующими людьми.

О внимании писателя к судьбам духоборов говорит и его работа над сборником о преследованиях правительством сектантов, к которому он приступил по предложению В.Г. Черткова в конце октября — первых числах ноября 1895 года. Однако идея писателя показать правдивый обзор истории гонений духоборов осталась им не осуществлённой. Хотя интерес к этой животрепещущей социальной и религиозной проблеме у него был постоянно.

В 1896 году Толстой вновь выступил в защиту духоборов, став редактировать воззвание «Помогите!», составленное В.Г. Чертковым, П.И. Бирюковым и И.М. Трегубовым, которые являлись очевидцами трагических событий Кавказе. К этому призыву было добавлено и новое послесловие писателя, появившееся в 1897 году в Лондоне в виде брошюры под названием «Помогите! Обращение к обществу по поводу гонений кавказских духоборов».

Особую важность для Л.Н. Толстого приобретала помощь духоборческим семьям, в которых были отказы от военной службы. Получив письмо 31 октября 1896 года от Черткова и Трегубова, где сообщалось о преследованиях сектантов и о бедствиях, которые терпят их родные, он послал пострадавшим тысячу рублей (гонорар за постановки пьес «Плоды просвещения» и «Власть тьмы») [14, с. 269].

Положение преследуемых за их религиозные взгляды определили отношение писателя к возможному присуждению ему в 1897 году первой Нобелевской премии в связи с его вкладом в дело установления мира. В его письме от 23 сентября 1897 года в редакцию шведской газеты «Stokholm Tagblatt» говорилось, что «люди действительно служащие делу мира служат богу, и потому не нуждаются в денежном награждении и не примут его» [12, с. 149]. По его мнению, истинными защитниками мира являются духоборы, они «больше всех сделали для мира, отказавшись от военной службы, и потерпевшие так жестоко за это» [5, с. 290].

Обострённое восприятие Львом Николаевичем в конце 1890-х годов проблем людей, гонимых за свои религиозные убеждения, его активная деятельность в их защиту стали неслучайными и во многом объяснялись его поисками веры, стремлением к нравственному возрождению. Призывая оставаться терпимым к духовной свободе личности, мыслитель придавал огромное значение роли религии. Духовным исканиям была посвящена и его статья «Религия и нравственность», написанная им в 1894 году. «Сущность всякой религии состоит только в ответе на вопрос: зачем я живу и какое моё отношение к миру», — писал он в ней. [9, с. 6–7]. Эти толстовские идеи перекликались во многом с рассуждениями, высказанными в его религиозно-философских работах «Исповедь» (1882), «В чём моя вера?» (1884), «Царство Божие внутри вас» (1893).

Для него Бог, вера — суть, «сила жизни», а совершение блага для людей, любовь — та божественная истина, постижение которой должно не разделять, а объединять всех людей [8, с. 35]. «Божественная истина не может быть доступна одному человеку, она открывается только всей совокупности людей, соединённых любовью. Для того чтобы постигнуть истину, надо не разделяться; а для того чтобы не разделяться надо любить и примериться с тем, с чем не согласен», — писал Л.Н. Толстой в «Исповеди» [8, с. 4].

Важным фактором, определившим интерес писателя к русским сектантам, и его активную деятельность в их судьбах была близость его философии с мировоззрением русских духоборов. Их вера, воспрещавшая всякое убийство, военную службу, насилие, употребление мяса, алкоголя, их честный труд на земле, общинное имущество, их любовь к Богу и готовность пострадать за свои убеждения являлись для него примером «истинной христианской жизни» [11, с. 279].

Духовное «единение в истине», о чём он отмечал в своих религиозно-философских работах, нашло своё практическое продолжение в его помощи духоборам, связанной с организацией их переезда из России. В январе 1898 года благодаря громким ходатайствам Толстого в высших правительственных инстанциях по специальному постановлению

главноначальствующего гражданской частью на Кавказе Г.С. Голицына тифлисский, ериванский и бакинский губернаторы получили разрешение на право выселить сектантов за границу.

Примечательно, что к самой идее переезда Толстой относился неодобрительно и постоянно убеждал духоборов отказаться от всякой мысли о выселении из России. В то же время он отмечал, что гонения неизбежны, и они приближают человека к Богу. В подтверждение своей правоты Толстой приводил письма к нему П.В. Веригина, главного руководителя духоборов, который также отрицательно относился к переселению [16, с. 7].

Весной 1898 года общественная деятельность Толстого была направлена на то, чтобы привлечь внимание влиятельных сил в России и за рубежом к проблеме переселения духоборов, и подготовить тем самым экономические и политические условия для его осуществления. 17 марта им было отправлено письмо-обращение о помощи переселенцам в редакцию «Санкт-Петербургских ведомостей», а 19 марта составлено подобное воззвание в английские и американские газеты.

В это же время Толстой продолжал вести активную переписку и с самими духоборами, предлагая им возможные места переселения. В числе стран наиболее благоприятных для проживания Толстой рекомендовал Канаду, правительство которой давало согласие на размещение духоборцев на своей территории. Стремясь привлечь к делу переселения своих иностранных друзей, в начале августа 1898 года он отправил письмо профессору политэкономии в Торонто Джеймсу Мейвору, взявшемуся вести посреднические переговоры с канадским правительством.

Особое значение писатель уделял вопросам, касающимся финансовой основы предстоящего переезда. Желая лично принять участие в этом, 12 октября 1898 года Лев Николаевич продал издателю журнала «Нива» А.Ф. Марксу право первой публикации романа «Воскресение». В результате авторский гонорар за него, а также суммы с иностранных переводов пошли на помощь духоборов.

В это же время Толстой обратился к целому ряду лиц с просьбой оказать денежную поддержку переселенцам. Среди откликнувшихся на призыв писателя были купец П.И. Хлебников, владелица золотых приисков в Сибири Л.А. Шанявская, чаеоторговец П.Д. Боткин, владелец частной лечебницы в Москве К.М. Мазурин, купец и текстильный фабрикант А.В. Морозов и другие. Всего пожертвования составили 10 тысяч рублей.

Л.А. Сулержицкий, один из главных помощников Толстого в организации переселения, в своей книге «В Америку с духоборами» привёл конкретные цифры, раскрывающие вклад Льва Николаевича. Согласно данным, приведённым автором этого издания,

общая сумма для переезда составила — 80 тыс. рублей, а взнос лично от писателя равнялся 34 тыс. рублей [16, с. 18].

К деятельности, связанной с переселением духоборов, подключился и старший сын писателя, который по поручению Толстого в сентябре 1898 года отправился сначала в Англию, чтобы осуществить посредническую миссию между правительством и главными организаторами этого переселения, а затем поехал в Париж, где ему нужно было договориться о возможностях издания переводов толстовских произведений «Воскресение» и «Отец Сергей», средства от которых должны были пойти на помощь духоборам.

Для того чтобы заручиться поддержкой русских властей в деле переселения сектантов в начале ноября 1898 года Сергей Толстой вместе с Сулержицким отправился в Тифлис, где он встретился с главнокомандующим на Кавказе Г.С. Голицыным и передал ему письмо, написанное Толстым. В нём тот просил допустить своего сына Сергея к делу эмиграции [15, с. 482, 483]. Чиновник благосклонно отнёсся к просьбе писателя, обещая со своей стороны не препятствовать переселению. В секретном донесении от 22 ноября 1897 года министру внутренних дел И.Л. Горемыкину он даже отмечал, что «удаление из наших пределов столь беспокойного и вредного элемента представлялось бы весьма желательным» [15, с. 391].

Тем не менее, пребывание С. Толстого и Л. Сулержицкого не осталось незамеченным тайной полицией, которая с первого же дня их прибытия на Кавказ вела за ними постоянное наблюдение. В донесении начальника Тифлисского жандармского управления от 6 декабря 1898 года подробно сообщалось об их деятельности по организации переезда духоборов [15, с. 392]. Об отношении власти к благотворительной деятельности семьи Толстых писали и российские газеты, отмечавшие, в частности, то, что царь очень недоволен тем, что старший сын писателя поехал с духоборами.

Но это обстоятельство С.Л. Толстого ничуть не смущало, и он вместе с Л. Сулержицким продолжал действовать. С середины ноября по декабрь они находились в Батуми, где были заняты непосредственно подготовкой переезда. Для Сергея Львовича это был особенно насыщенный период, включавший ведение переговоров с русскими властями, с английским корабельным агентством, встречи с британским консулом, заключение договоров со страховыми компаниями, решение вопросов, связанных с закупкой продовольствия, реконструкцией пароходов для приёма пассажиров, урегулирование юридических вопросов, подвоз сектантов в Батуми из дальних кавказских деревень.

Помимо деятельности, связанной с подготовкой переселения, С.Л. Толстой возглавил пароход с двумя тысячами переселенцев, отправившимися в Канаду 3 января 1899 го-

да. Этот период из жизни был подробно описан в его дневнике, который в 1998 году, через 100 лет после знаменательного переселения, опубликовал Оттавский университет совместно с московским музеем Л.Н. Толстого. «Я счастлив тем, что почти полгода провёл среди духоборов и узнал их», — писал он об этом времени [15, с. 142]. Вместе с духоборами Сергей Львович испытал все тяготы переселения: тесноту, тяжёлые бытовые условия на корабле; оспу, которой он переболел, вынужденный карантин, задержавший передвижение через океан.

После прибытия в Канаду он продолжал заботиться о своих подопечных: ездил на земли, отведённые для жизни духоборам, способствовал их устройству на новых местах. Целый месяц старший сын Толстого провёл в канадском городе Виннипеге. По его собственному признанию, почти каждый день он бывал в иммиграционной конторе и встречался с комиссаром по переселению русских сектантов Мак Крери. Несмотря на то, что их делами заведовали правительственные агенты, духоборцы продолжали обращаться к нему как главному лицу в устройстве их жизни на новом месте.

Особенности менталитета, самобытность культуры духоборов во многом определили его отношение к их судьбам. Подкупали его в этих людях «приверженность основам своей веры, их стойкость пострадать за неё» [15, с. 143]. После возвращения в Россию Сергей по-прежнему заботился о духоборах: предоставлял помощь тем, кто остался в Якутии, часто выступал от их имени в делах с властями.

Важным направлением своей гуманитарной миссии он считал решение вопросов интеллектуального развития переселенцев. Им были высланы в Канаду, на станцию Йорктон: Евангелие, Библия, самоучитель английского языка, «Домашняя медицина» Флоринского, «Открытие Америки» Флери, сочинения Пушкина, Лермонтова, Сервантеса, Гюго, Диккенса [15, с. 199]. В благодарственном письме от 16 июля 1899 года на имя С.Л. Толстого сообщалось, что всего община получила книг на пятнадцать пудов.

Долгие годы сына Толстого и духоборов связывала переписка. В частности, в одном из писем к С.Л. Толстому от переселенца С.Ф. Худякова отмечалось, что в честь Льва Николаевича он назвал своего сына Львом и просил прислать ему фотографию семьи Толстых. О тёплых человеческих контактах между духоборами и Толстыми свидетельствуют многочисленные встречи, которые неоднократно происходили между ними. Так, например, 30—31 декабря 1902 года лидер духоборов П.В. Веригин, возвращаясь из ссылки, навестил Л.Н. Толстого в Ясной Поляне, а затем остановился в Москве у его старшего сына. 15-летняя переписка соединяла Толстого и Веригина. Узнав в 1907 году о надвигающемся голоде в России, он прислал от своей общины 10 тыс. рублей для пострадавших от невро-

жая в Самарской губернии. 10 августа 1907 года Лев Николаевич в ответном письме к нему благодарил за помощь и рассказывал о том, как были распределены деньги. В частности, в его письме были и такие слова: «...очень порадовался подтверждению на деле той истины, что благо людей зависит от их исполнения или неисполнения закона Бога» [15, с. 84]. В 1909 году Веригин приглашал писателя побывать у духоборов в Канаде.

О внимании Льва Николаевича к судьбам религиозных эмигрантов после их отъезда свидетельствует и его письмо от 7 декабря 1907 года к Николаю II, в котором он просил разрешить жёнам духоборов, сосланных в Сибирь вернуться в Россию.

До наших дней имя Льва Николаевича пользуется особым почтением у сегодняшних потомков переселенцев. Их глубокое благоговение перед ним ярко выразилось в том радушии, с которым духоборы посёлков Веригина (в Саскачеване) и Кастлагарда (в Британской Колумбии) в 1978 году приняли две бронзовые статуи писателя, дар от российского общества «Родина». Это тем более значительно ввиду их отрицательного отношения, к каким бы то ни было статуям и другим материальным символам [2, с. VIII].

Обращает на себя внимание то, что интерес к «людям XXV столетия», как называл духоборов Л.Н. Толстой, и их самобытной культуре сохранился навсегда у многих его потомков [13, с. 497]. К примеру, сын писателя Илья Львович, оказавшись на чужбине, долгие годы был связан с П.Н. Маловым, известным духоборческим общественным деятелем, автором книги «Духоборцы, их история, жизнь и борьба». В письмах к нему И.Л. Толстой говорил о своём отношении к их культуре, к их нравственным устоям, построенным на любви к Богу.

Тесные дружеские контакты с духоборами поддерживал впоследствии и внук Ильи Львовича, Илья Владимирович Толстой, профессор Московского университета, являвшийся почётным делегатом первого Международного духоборческого межгруппового симпозиума, проходившего в июне-июле 1982 года в Британской Колумбии. Съезд принял единогласно обращение ко 2-й специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению, подписанное представителями духоборцев, менонитов, квакеров и молокан, а от советской делегации — правнуком писателя И.В. Толстым.

Примечательно, что он, как и все Толстые, проявлял живой интерес к культуре русских сектантов. Во время поездок в Канаду его всегда изумляла способность духоборов «сохранить свою русскость» [7, с. 20], национальные традиции среди иноземной культуры.

Историческое прошлое духоборов привлекает В.И. Толстого, праправнука писателя, директора яснополянского музея в 1991—2012 гг., автора нескольких статей об истории духоборческого движения в России. В одной из них он писал о своём преклонении

перед «утерянной культурой», называя так «исконный крестьянский, религиозный быт, любовь к земле и к труду, братолюбие», – всё то, что впитало в себя, по его мнению, духоборчество [6, с. 25].

Духовные узы и сегодня соединяют потомков духоборов, покинувших Россию более 100 лет назад, Ясную Поляну и семью писателя. Не раз приезжали русские сектанты на яснополянскую землю за последнее время. Знаменательным оказался их приезд в Ясную Поляну в сентябре 1999 года, приуроченный к столетию со дня переселения духоборцев в Канаду. В состав делегации входили: канадский хор «Друзья в Объединении» и Комитет по празднованию со дня переселения духоборов. Среди гостей духоборческой делегации в Ясной Поляне побывал и правнук П.В. Веригина, И.И. Веригин, почётный председатель Союза Духовных Общин Христа в Канаде.

Программа пребывания духоборов в Ясной Поляне вмещала в себя помимо туристических целей (ознакомление с музеем) также деловые, партнёрские и благотворительные задачи. По предложению потомков переселенцев было решено в Ясной Поляне совместными усилиями с музеем-усадьбой Л.Н. Толстого построить кафе-пекарню, как своеобразный символ уважения и любви духоборцев к русскому писателю, заступившихся за их единомышленников в конце XIX века. Совместный проект, включающий строительство гостиницы, помимо своей огромной гуманитарной и культурной значимости станет актуальным для современной жизни музея, так как сможет улучшить его инфраструктуру и оживить международный туризм.

Идея общего дела с одушевлением была воспринята в Канаде, о чём свидетельствовало участие в нём многочисленных общественных организаций, среди которых Канадское Духоборческое Общество и Союз Духоборческого Общества Христиан. Кроме того, в преддверие столетнего юбилея переезда духоборов в Канаде был организован специальный фонд для реставрации яснополянского музея, а комитет по сбору средств в журнале «Искра» опубликовал официальное обращение, где говорилось о необходимости всех желающих присоединиться к этой благотворительной акции.

Знаменательному приезду духоборов в толстовскую усадьбу предшествовал в мае 1998 года деловой визит в Канаду В.И. Толстого, являвшегося в то время директором яснополянского музея. С благодарностью, восприняв предложение от канадской стороны о сотрудничестве, он, в свою очередь, расценил это как продолжение исторических отношений между семьёй Толстого, Ясной Поляной и духоборами.

Фактами, характеризующими совместную деятельность, следует считать обмен делегациями, устройство в Ясной Поляне духовоборческих концертов гостями из Канады и организацию музеем экспозиций и лекций, посвящённых истории духовоборческого движения.

Таким образом, можно сказать, что терпимость Л.Н. Толстого и его семьи к людям с различными религиозными убеждениями, являлась характерной чертой жизни дворянской фамилии. О преемственности духовных традиций сегодня свидетельствует деятельность Толстых, наших современников.

Рецензенты:

Белянкова Е.И., канд. пед. наук, заведующая кафедрой правовых дисциплин ФГБОУ ВПО «Тульский государственный педагогический институт им. Л. Н. Толстого»;

Василенко И.Т., канд. пед. наук, доцент кафедры истории и археологии «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого».

Список литературы

1. Донсков А.А. Л.Н. Толстой и крестьянский писатель Ф.А. Желтов // Л.Н. Толстой и Ф.А. Желтов: переписка: [из архивов Государственного музея Л.Н. Толстого в Москве]. М.; Оттава, 1999.
2. Донсков А.А. Предисловие // Л.Н. Толстой и П.В. Веригин. Переписка. СПб.; Оттава, 1999.
3. Пругавин А.С. Лев Толстой и самарские молокане. О Льве Толстом и о толстовцах. Материалы. М., 1911.
4. Пругавин А.С. О Льве Толстом и о толстовцах. Очерки. Воспоминания. М., 1911.
5. Толстая С.А. Дневники: в 2-х т. Т. 1. М.: Художест. лит., 1978.
6. Толстой В.И. «Наша вера, вечно новая и живая» // Воскресение. 1995. № 12.
7. Толстой И.В. Русские духовоборы // Искра. 1991. 30 янв.
8. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 23. М.; Л.: Художест. лит., 1928—1958.
9. Толстой Л. Н. Указ. изд. Т. 39.
10. Толстой Л. Н. Указ. изд. Т. 52.
11. Толстой Л. Н. Указ. изд. Т. 67.
12. Толстой Л. Н. Указ. изд. Т. 70.
13. Толстой Л. Н. Указ. изд. Т. 71.

14. Толстой Л. Н. Указ изд. Т. 84.
15. Сергей Толстой и духоборцы: путешествие в Канаду. Дневник и переписка. М.; Оттава, 1998.
16. Сулержицкий Л.А. В Америку с духоборами. М.: Посредник, 1905.